

Введение

Мы считаем, что наши описания точнее, чем у древних, которые основывались в основном на сообщениях других людей. Не будем перечислять ошибки этих великих. Мы хотим только предупредить читателя, что наши наблюдения расходятся с их утверждениями. Мы описываем нашего медведя и не пишем, что у медведей с каждой стороны по 52 ребра.

Клод Перро (1613–1688)

В 1700 г. Россия была преимущественно аграрной страной, в культурном отношении изолированной от внешнего мира. Русским не разрешалось выезжать за границу. Поэтому русские архитекторы, музыканты, ювелиры или иконописцы не могли черпать идеи за пределами России. В остальной части Европы в это время в искусстве уже применялись новые принципы: в живописи — приемы, заимствованные у итальянских художников, в музыке — полифонизм, в гражданской архитектуре — классицизм. Все эти общеевропейские течения в искусстве проникли, например, в соседнюю с Россией Польшу, но не в Россию.

До 1700 г. в России не было культуры светской печатной книги, в том смысле, что здесь не издавались светские книги. Возродившийся в Европе интерес к культуре греков и римлян прошел мимо России. С европейской культурой соприкасался лишь узкий круг российской элиты. Эти россияне общались с иностранцами, приезжавшими в Россию на долгое время и привозившими с собой свои коллекции картин, рисунков и гравюр, библиотеки и всевозможные мелочи. Для многих из этих иностранцев их временное место жительства становилось новым отечеством. Кроме того, высокопоставленные особы, составлявшие совсем узкий круг, получали дары от иностранных послов, например шпалеры с изображением римских героев, альбомы с гравюрами по знаменитым картинам, земные и небесные глобусы, атласы с видами городов, изображениями знаменитых зданий и картами, а также семена и черенки экзотических растений, модели кораблей, кареты. Этими случайными явлениями культурного импорта дело и ограничивалось.

Иностранцы, работавшие в России, привозили с собой свои знания, которые были очень важны в стране, стремившейся к тому, чтобы другие европейские страны считались с ее военной мощью. Военные, знавшие математику, врачи с университетским образованием, химики, умеющие изготавливать свинцовые белила, заводчики, производящие железо, оружейники, литейщики пушек, строители мельниц, ткачи, производящие материю для военной формы, аптекари,

типографы и печатники, специалисты по каналам и портам, судостроители, садовники, художники, граверы, библиотекари, переводчики, дипломаты, музыканты, стеклодувы и, наконец, просто ученые уезжали по различным причинам¹ со своей родины и оседали в России на короткое или долгое время. Но иностранцам приходилось много платить. Петр I (1672–1725), царь-реформатор, искал другие пути.

Россия стремилась избавиться от отсталости в области науки и техники. Для этого Петр решил сам отправиться «на разведку» в Западную Европу. До отбытия в свое европейское путешествие в 1696 г. он, русский царь, христианский монарх, одержал победу над турками, чем вызвал большое уважение в Европе. Экспансия ислама волновала всю Европу: турецкие войска уже были на подступах к Вене. Благодаря взятию Азовской крепости, для чего использовались первые в России военные корабли, построенные с помощью иностранных специалистов, это едва заметное в военном отношении государство на границе христианского мира заняло достойное место на политической карте Европы.

Петр был первым русским царем, покинувшим пределы своей страны. При нем была печать, на которой он велел выгравировать чрезвычайно характерную надпись: «Аз бо емь в чину учимых и учащих мя требую». К тому моменту, когда этот 26-летний огромного роста мужчина собрался в путешествие по Европе, он уже научился у живших в Москве иностранцев всему, чему они могли научить. О том, что царь находится за границей, знал лишь узкий круг доверенных лиц, державших это в глубочайшей тайне. В Риге Петр впервые увидел заспиртованную ящерицу, близ Харлема осмотрел крестьянское хозяйство; он побывал на заседании Генеральных штатов в Гааге, посетил множество кунсткамер со всевозможными коллекциями в Оксфорде, Берлине, Дрездене и Амстердаме, видел художественные собрания английского короля Вильгельма III (1650–1702) в Кенсингтонском дворце в Лондоне, монетный двор в Тауэре, обсерваторию в Гринвиче и ботанический сад в Амстердаме. Ко всему он проявлял безграничное любопытство, свойственное самоучкам.

В Москве Петр уже в юные годы освоил азы военного искусства, а затем в Архангельске искусство мореплавания. Взрослым он закончил свое образование в Голландии и Англии, где с марта 1697 г. по май 1698 г. прошел множество курсов продолжительностью от одного дня (например, курс гробовщика в Лондоне) до нескольких месяцев (курс корабельного плотника в Амстердаме). Он знакомился с парламентами и бургомистрами, с больницами, приютами для сирот и бедняков, посещал синагоги и церкви всевозможных вероучений. Он осматривал коллекции растений, животных и минералов, присутствовал при демонстрациях физических опытов. Царь-ученик вернулся в Москву после того, как получил

¹ Некоторые из этих иностранцев уезжали от безработицы (например, Кист, кузнец из Заандама), другие искали возможности для карьерного роста (как адмирал Крюйс, экипажмейстер из Амстердама), третьи убежали от наказания за убийство (Остерман, студент-юрист из Бохума, убивший своего сотоварища; в России он достиг поста премьер-министра), многие просто искали новые возможности.

образование практически во всех областях науки и искусства, от астрономии, анатомии и хирургии до гравировального искусства и искусства чеканить монеты, которые нельзя было обрезать. Он гордился приобретенными знаниями и навыками, доказательством чему служит то, что по возвращении в Россию он заботливо хранил все свои инструменты и полученные свидетельства.

Вернувшись из Европы, Петр решил обучить своих подданных всему тому, чему научился сам. Для этого он учредил в Москве два высших учебных заведения технической направленности: Школу математических и навигацких наук (Навигацкая школа) и школу для горных инженеров при Берг-коллегии; через пять лет и школу с госпиталем по подготовке профессиональных хирургов и лекарей. Иностранцы специалисты, которых он брал на службу, теперь подписывали контракты о том, что обязуются обучать своему мастерству русских учеников. Чтобы получить возможность шире использовать богатства своей страны, Петр отправлял экспедиции в самые отдаленные области, где исследователи собирали растения и животных и расспрашивали местное население об их умениях и навыках. Он покупал целые библиотеки и коллекции за границей, чтобы дать образование своим подданным. Россия получила возможность знакомиться с новыми идеями, смотреть на мир собственными глазами и сравнивать. Петр I дал своим подданным разрешение, точнее сказать, поручение удовлетворить свое любопытство в отношении остальной части мира.

Кунсткамера Петра I стала в России центром, где были собраны знания о мире. Две самые большие коллекции, купленные Петром для Кунсткамеры, прибыли в Россию из Амстердама. Своему центру знаний Петр придал государственный статус. Для ведения исследовательской работы ученым других стран было предложено стать членами Академии наук. Эта книга рассказывает о первых годах существования Кунсткамеры Петра Великого и об основании Академии наук, сопровождавшемся импортом европейской науки и культуры, причем импорт из Голландии играл большую роль.

Исследование

Письма, недавно обнаруженные в Санкт-Петербурге, дают подробную картину того, как именно создавались Кунсткамера и Академия наук.

Сотрудница Амстердамского исторического музея Рене Кистемакер² и автор настоящей книги нашли эти письма случайно. Оказалось, что в них содержатся богатейшие сведения о приобретении Петром I коллекции, которую собрал амстердамский аптекарь Альберт Себа (1665–1736), а также коллекции натуралий и анатомических препаратов, которую на протяжении всей своей жизни составлял анатом Фредерик Рюйш (1638–1731). Переписка по поводу этих приобретений хра-

2 Рене Кистемакер, глава музейного отдела, приехала в 1991 г. в Петербург вместе с автором этой книги в рамках подготовки большой выставки «Мир на расстоянии вытянутой руки», посвященной голландским коллекциям редкостей в период 1585–1735 гг., которая планировалась на лето 1992 г. в Амстердамском историческом музее.

нится в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук и ранее не исследовалась. Письма проливают свет на то, каким образом происходил культурный импорт в Россию в начале XVIII в. и какие он имел последствия.

Поскольку цель моей работы в архиве состояла в том, чтобы определить сегодняшнее местонахождение музейных объектов, поступивших в Кунсткамеру из амстердамских коллекций, я шла обратным путем. Вместо того чтобы начать с чтения научной литературы об исследуемом предмете, я уделяла все время изучению писем. Я была поражена объемом голландского вклада в русскую культуру в первой четверти XVIII в. Я не верила своим глазам и никак не ожидала, что обнаружу столько контактов между основателями Кунсткамеры и Академии наук и голландцами. Я боялась пасть жертвой «мелкодержавного шовинизма», переоценив весомость голландского влияния. Ведь общепризнанной считается версия, что своими корнями Российская академия наук уходит в немецкую науку, поскольку первыми членами академии были не голландцы, а немцы³. Я немного успокоилась, раскрыв за несколько дней до конца моего первого пребывания в Петербурге книгу, написанную унтер-библиотекарем и хранителем Кунсткамеры И. Бакмейстером, и прочитав следующее: «Сие наше хранилище должно началом своим Государю Императору Петру Великому [...] Город Амстердам положил под оное, так сказать, основание»⁴.

Письма в архиве представляют собой деловую переписку амстердамца Альберта Себы с царским лейб-медиком Робертом Арескиным (1677–1718) и его секретарем Иоганном Даниэлем Шумахером (1690–1761) начиная с 1715 г. Переписка велась с большой регулярностью, однако не все письма дошли до нас. В Петербурге сохранялись не только письма от Себы, но и черновики/отпуска отправленных ему ответов. Эти ответы, написанные в основном Шумахером, иногда Арескиным, содержатся в делах исходящей корреспонденции. Примечательно, что Шумахер оставлял у себя черновики/отпуска писем не только к Себе, но и к своему начальнику, лейб-медику Арескину, который большую часть времени находился за пределами Петербурга, сопровождая царя в его военных походах и путешествиях. Благодаря этому у нас есть возможность увидеть, какими мотивами руководствовалась русская сторона при покупке голландских коллекций.

После смерти Арескина в 1718 г. его преемник Лаврентий Блюментрост (1692–1755) и Иоганн Даниэль Шумахер начинают приготовления к созданию Академии наук в Санкт-Петербурге и ведут переписку о приобретении новых коллекций. Они переписываются среди прочих с врачом Германом Бургаве (1668–1738), лейденским физиком В. Гравезандом (1688–1742), мастером по физическим приборам и инструментам Иоганном Мушенбруком (1687–1748), садовником и тор-

3 *Donnert E. Sankt-Petersburg. Eine Kulturgeschichte. Köln; Weimar; Wien, 2002. S. 16–17; Bucher G. Die Russische Akademie der Wissenschaften – Gründung und Anfangsjahre // Palast des Wissens. Die Kunst- und Wunderkammer Zar Peters des Groszen / Red. B. Buberl, M. Dückerhoff. München, 2003. T. 2. S. 248–257.*

4 *Бакмейстер И.Г. Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-петербургской имп. Академии наук / Пер. с фр. яз. Василия Костыгова. [СПб.], 1779. С. 107.*

говцем картинами Питером де ла Куром ван дер Воортом (1664–1737) и книготорговцем Пьером ван дер Аа (1659–1733).

Большинство писем написаны по-немецки, некоторые по-французски или по-голландски, и только одно-единственное письмо по-русски. Это копия письма Петра I, в котором он указывает отдать «аптекарю Себе» деньги для оплаты «анатомических вещей» и «сферы», то есть небесного глобуса, купленного в Париже⁵. Из этого письма становится понятно, что Петр вникал во все детали приобретения экспонатов для Кунсткамеры. И так было не только с Кунсткамерой. Этот царь вникал во все. Даже находясь в военном походе, он вносил правку в русские переводы учебников по техническим наукам или высказывал свое мнение о привезенных из Амстердама новых русских литерях для печати книг «гражданским шрифтом». Например, он приказал, чтобы в Амстердаме заказали другие точки над буквой *ŕ*. Кроме указанной копии с царского письма в исследуемой переписке больше писем царя или к царю не оказалось. Поэтому роль Петра при покупке амстердамских коллекций, а также при основании Кунсткамеры и Академии наук освещается лишь вскользь.

Обнаружение архивных документов

Научные сотрудники Амстердамского исторического музея обнаружили письма, когда просматривали документы, упомянутые в публикации по истории Кунсткамеры Олега Яковлевича Неверова, сотрудника Государственного Эрмитажа⁷. Одно из упомянутых О.Я. Неверовым писем Альберта Себы было переплетено вместе с множеством других в общий толстый том. Оказалось, что в этом томе имеется еще множество писем Себы, на которые у О.Я. Неверова не было ссылок. Если использованные Неверовым письма были написаны аккуратным почерком по-французски, то остальные — скорописью по-немецки и сначала казались не поддающимися расшифровке. В картотеке архива обнаружились еще две ссылки на письма Себы, а именно карточка с указанием письма А. Себы Р. Арескину 1711 г.: «фонд 120, опись 1, № 164»⁸, и указание «Письма Себы члену Академии наук мед. докт. Амману: разряд I, опись 74 а, № 23, 1732–1735».

5 Петр I неизвестному корреспонденту. 25 августа 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 85–86. Текст приводится ниже.

6 *Driessen Jozien J. Het burgerschrift van Peter de Grote // Cyrillische letterkunde. Bijdragen over de geschiedenis, uiterlijk en bruikbaarheid van het Russische alfabet / Red. M. Delemarre, H. Kruyzen, I. Velding, V. Wintermans. Rotterdam, 1993. P. 39–64.*

7 *Neverov O.Ya. "His Majesty's Cabinet" and Peter's Kunstammer // The Origins of Museums. The Cabinet of Curiosities in Sixteenth- and Seventeenth-Century Europe / Ed. by O. Impey, A. MacGregor. Oxford, 1985. P. 54–61.* Доклад О.Я. Неверова на одноименном симпозиуме в июле 1983 г. по случаю 300-летия Эшмолеанского музея искусства и археологии в Оксфорде был прочитан не им самим, а председателем, так как дирекция Эрмитажа, где работал Неверов, не хлопотала о его выездной визе в Великобританию, как мне рассказал Артур Макгрегор.

8 Это письмо было опубликовано Джоном Эппелби: *Appleby J.H. Robert Erskine — Scottish pioneer of Russian natural history // Archives of Natural History. 1982. No. 10 (3). P. 384.*

За три месяца автор этой книги выявила и переписала от руки несколько десятков неизвестных ранее писем, которые были переплетены вместе с другой корреспонденцией в шести разных томах; все они относились к самому началу организации науки в России, ко времени, предшествовавшему основанию Академии наук в 1724 г. С помощью этих писем удастся точно установить, когда основатели Академии наук начали готовиться к ее созданию.

Первые два черновика исходящих писем, адресованные господам Шахеру и Шейхцеру, датированы 1713 г.⁹ Эти самые ранние письма были вклеены в том Ф. 1. Оп. 3. Д. 2, содержащий черновики исходящих писем за 1713–1727 гг. В нем нет черновиков, датированных 1714 г., а 1715 г. представлен лишь двумя письмами. В одном из них Шумахер пишет Арескину о том, что он привез «8 caises de livres aux casernes» («8 ящиков писем из казарм»): важное приобретение для недавно основанной библиотеки! Это письмо датировано 29 июля 1715 г.; как и вышеназванные письма за 1713 г., оно вплетено в том. Но после этого письма черновики сохраняются уже системно. Шумахер пишет черновики писем на переплетенных и пронумерованных листах формата ин-кварто. На л. 2 находится первое такое письмо: от Шумахера к Арескину от 12 августа 1715 г. С этого времени и начинается подготовка того, что через десять лет вырастет в Академию наук.

Что уже было известно

Тому, кто хочет узнать больше об Альберте Себе, одном из главных действующих лиц нашей книги, следует для начала прочитать его краткую биографию, написанную Х. Энгелом¹⁰. Книга содержит список литературы, занимающий пять страниц, и исчерпывающий перечень архивных материалов. Автор собрал множество сведений о приключениях приобретенной у Себы коллекции в России. Однако письма Себы, хранящиеся в Архиве Академии наук в Петербурге, ему были неизвестны. Исследовательница Флоренс Питерс в статье, опубликованной в сборнике «Het verdwenen museum» («Исчезнувший музей»)¹¹, показала, насколько велико было значение четырехтомного каталога коллекции Себы для науки, в частности при разработке принципов систематизации животного мира шведом Карлом Линнеем (1707–1778). Кроме того, она проследила судьбу препаратов Себы, попавших во Францию и в Германию.

О Петре I написано множество исследований. Но лишь некоторые иностранные работы недавнего времени, обзор которых будет дан ниже, более или менее подробно описывают ширококомасштабный культурный импорт, происходивший в Петровскую эпоху. Первая современная биография Петра I, уделяющая внима-

9 Иоганн Якоб Шейхцер (1672–1733) был швейцарским знатоком окаменелостей, врачом и куратором кунсткамеры в Цюрихе, богатой собраниями натуральных. Поликарп Готлиб Шахер (1674–1737) был врачом в Лейпциге.

10 Engel H. The life of Albert Seba // Svenska Linné-Sällskapets Årsskrift. 1937. No. XX. P. 74–100.

11 Pieters F. Het schatrijke naturalienkabinet van stadhouder Willem V onder directoraat van topverzamelaar Arnout Vosmaer // Het verdwenen museum / Red. B.C. Slingers, M.H. Besselink. Blaricum; Haarlem, 2002. P. 19–44.

ние не только политической и экономической истории, но и истории культуры (на основе новых архивных материалов), — это вышедшая в 1988 г. в Лейпциге книга Эриха Доннерта¹². Треть своей книги он посвящает происходившим при Петре изменениям в области культуры. В Англии исследовательница Петровского времени Линдси Хьюз, опираясь на новые источники, детально рассматривает культурный аспект исторических событий в книгах «Софья, регент России», о старшей единокровной сестре Петра, и «Россия в эпоху Петра Великого»¹³.

В последнее время в России и Нидерландах появились исследования об иностранных купцах в России. Ян Виллем Веловенкамп описал в 2000 г. житье-бытье купцов, в первую очередь голландских, в Архангельске¹⁴. В.Н. Захаров издал в Москве потрясающе богатое информацией исследование о западноевропейских купцах в России в эпоху Петра, в полной мере пользуясь либеральным для исторической науки климатом, царившим в 1996 г.¹⁵

В.Ф. Левинсон-Лессинг, автор истории картинной галереи Эрмитажа, описал подробно и с хорошим знанием дела культурную составляющую первой поездки Петра I за границу. Он использовал архивные материалы и дневник одного из спутников Петра. В.Ф. Левинсон-Лессинг особо подчеркивал научный характер экспонатов в Петровской Кунсткамере¹⁶. История Кунсткамеры Петра Великого, написанная Т.В. Станюкович в 1953 г. еще при Сталине, — это важнейшее исследование¹⁷, которое могло выйти в свет только при условии приспособления текста к идеологическим требованиям того времени. Темы, связанные с историей Академии наук, хорошо разработаны в двух основательных трудах Эдуарда Винтера, историка из ГДР¹⁸. В Восточном Берлине, расположенном от Москвы дальше, чем Ленинград, он имел возможность по заслугам оценить деятельность иностранцев в Петербурге в XVIII в. Вместе с ленинградской исследовательницей Ю.Х. Копелевич Винтер издал письма молодых ученых, работавших в Академии наук в Петербурге. Публикации самой Ю. Копелевич по истории Академии наук описывают Кунсткамеру как центр российской науки. Ее книга «Основание Академии наук в Петербурге»¹⁹, вышедшая по-русски, в сильно сокращенном варианте была

12 *Donnert E. Peter der Grosse. Leipzig, [1988].*

13 *Hughes L. Sophia, regent of Russia. 1657–1704. L., 1990; Hughes L. Russia in the age of Peter the Great. L., 1998.*

14 *Veluwenkamp J.W. Archangel. Nederlandse ondernemers in Rusland 1550–1785. [Amsterdam], 2000.*

15 *Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996.*

16 *Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Л., 1985.*

17 *Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л., 1953.*

18 *Winter Ed. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953; Briefwechsel Leonhard Eulers / Hrsg. und eingeleitet von A.P. Juškevič und E. Winter unter Mitwirkung von P. Hoffmann und Ju.Ch. Kopelevič. Berlin, 1959–1976. 3 Bd.*

19 *Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977; Kopelevich Ju.K. The creation of the Petersburg Academy of Sciences as a new type of scientific and state institution // Cross A.G. Great Britain and Russia in the eighteenth century: contacts and comparisons. Newtonville (Mass.), 1979. P. 204–211.*

издана также по-английски. В относительно либеральный период, сразу после Второй мировой войны, А.И. Андреев в качестве редактора подготовил сборник статей «Петр Великий», в который вошла его важная статья об основании Академии наук²⁰. Однако вскоре после публикации книги против Андреева возбудили дело, по которому он обвинялся в «преклонении перед Западом». А.И. Андреев был уволен из Историко-архивного института (Москва) и переехал в Ленинград²¹.

В 1970, 1973 и 1976 гг. С.П. Луппов опубликовал в Ленинграде в трех томах результаты своих архивных исследований по истории русской книги, соответственно, в XVII в., в эпоху Петра и в период вскоре после смерти Петра²². Н.А. Копанев издал новый оригинальный материал, в частности о важном контактном лице библиотеки при Кунсткамере в Голландии книготорговце Пьере ван дер Аа, а также статью, в которой показывает, что знаменитая «Энциклопедия», важнейшая веха европейского Просвещения, могла быть напечатана не во Франции, а в России при поддержке Петра, соответственно, на пятьдесят лет раньше²³.

Американский историк Джеймс Крейкрафт издал в 1988, 1997 и 2004 гг. три книги, соответственно, об архитектуре, искусстве и культуре Петровской России. При написании первых двух книг он в большой мере опирался, по его собственному признанию, на советские исследования, страдавшие ярко выраженной идеологической окраской: чувство патриотизма не позволяло историкам и искусствоведам интересоваться тем периодом, когда в Россию приехали работать иностранцы, а затрудненный для советских ученых выезд за границу мешал им заметить иностранное культурное влияние²⁴. Например, в научной литературе о памятных медалях в честь деяний Петра Крейкрафт обнаружил указание на влияние медалей в честь побед французского короля Людовика XIV (1638–1715), штатгальтера-короля Вильгельма III и Иосифа I Венгерского (1678–1711). Однако в литературе о серии пропагандистских гравюр, выполненных Адрианом Шхонебеком (1657/1658–1705), Питером Пикартом (1668/1669–1737) и Алексеем Зубовым (1682–1751), подобных ссылок на европейский опыт он не нашел²⁵.

20 Андреев А.И. Основание Академии наук в Петербурге // Петр Великий: Сб. ст. / Ред. А.И. Андреев. М.; Л., 1947. С. 285–333; Андреев А.И. Петр I в Англии в 1698 г. // Там же. С. 63–103.

21 Копанева Н.П. К биографии А.И. Андреева // Археографический ежегодник за 2009–2010 годы. М., 2013. С. 314–324.

22 Луппов С.П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970; Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973; Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время. 1725–1740. Л., 1976.

23 Копанев Н.А. Голландский издатель П. ван дер Аа и Библиотека Петербургской Академии наук // Книга в России XVIII — середине XIX в. / Из истории Библиотеки Академии наук / Ред. А.А. Зайцева, Н.П. Копанева, В.А. Сомов. Л., 1989. С. 42–51; Копанев Н.А. «Энциклопедия» в России (новые материалы) // Книга в России в эпоху Просвещения / Отв. ред. А.А. Зайцева. Л., 1988. С. 169–182.

24 Cracraft J. The Petrine revolution in Russian architecture. Chicago, 1988. P. 16.

25 Ibid. P. 270. Впрочем, Крейкрафту никто не указал на то, что петровская программа пропаганды с помощью гравюр была заимствована у французского короля Людовика XIV

В Нидерландах коллективная монография «Een sieraad voor de stad» («Украшение для города») об истории амстердамского ботанического сада «Хортус Ботаникус» дает точное представление о том, какую выгоду город извлекал в эпоху Петра I из хорошо организованной научно-исследовательской деятельности²⁶.

Англичанин Джонатан Израэль обрисовал культурный климат, царивший в Голландии²⁷ и во всей Европе²⁸ в то время, когда Петр I приехал в Европу. С европейской культурой молодой царь познакомился в Немецкой слободе под Москвой еще в юные годы. Израэль описывает, насколько разветвленным было влияние «радикального» Просвещения, охватившего пространство от Лиссабона до Санкт-Петербурга. Он показывает, как широк был круг простых бюргеров, участвовавших в дебатах, в ходе которых они учились мыслить самостоятельно.

В последние годы вышло много книг по истории коллекционирования в раннее Новое время²⁹. Еще в 1970 г. Барбара Балсигер защитила диссертацию, состоящую из прекрасного введения в коллекционирование и обстоятельно прокомментированных каталогов коллекций из Германии, Франции и Англии в период 1565–1750 гг.³⁰ Ульрика Штайервальд написала основательное теоретическое исследование о пользе и необходимости приобретения монархом библиотек и коллекций ради поощрения занятий современными науками. В центре ее исследования находились идеи Лейбница (1646–1716) о практическом использовании знаний³¹. Пауль Раабэ издал сборник статей о библиотеках Раннего Нового вре-

и штатгальтера Нидерландов Вильгельма III (будущего короля Англии). Р.Г. Григорьев, хранитель отдела эстампов в Эрмитаже, обнаружил медные доски, которые гравер Шхонебек привез с собой в Россию из Амстердама, когда Петр принял его на работу. Это были доски, гравированные учителем Шхонебека Ромейном де Хооге, пропагандистом Вильгельма, на которых какой-то русский ученик Шхонебека стер голову Вильгельма III и заменил ее на голову Петра, как это нередко делал и сам Ромейн де Хооге для некоторых своих заказчиков. Р.Г. Григорьев был вынужден вычеркнуть рассказ об этом открытии из текста своей диссертации, так как он противоречил догме еще сталинского периода о том, что русские сами научились все делать раньше и лучше, чем иностранцы. Научный руководитель Р. Григорьева продолжал вопреки всему утверждать, что не только голову, но и лошадь, и туловище выполнил русский ученик (дружеский рассказ Романа Григорьева).

26 *Wijnands D.O., Zevenhuizen E.J.A., Heniger J.* Een sieraad voor de stad. De Amsterdamse Hortus Botanicus 1638–1993. Amsterdam, 1994.

27 *Israel J.I.* The Dutch republic. Its rise, greatness, and fall 1477–1806. Oxford, 1995.

28 *Israel J.I.* Radical enlightenment. Philosophy and the making of modernity 1650–1750. Oxford, [2002].

29 Хорошую библиографию можно найти во введении (на нидерландском языке) к учебнику Открытого университета (Нидерланды): *Verzamelen. Van rareitienkabinet tot kunstmuseum* / Red. E. Bergvelt, D.J. Meijers en M. Rijnders. Heerlen; Houten, 1993. В каталоге выставки «Век великолепия» в Художественном музее при Дартмутском колледже в г. Гановере, штат Нью-Гэмпшир, США, также дана прекрасная библиография: *The age of the marvellous. Hanover*, 1991.

30 *Balsiger B.J.* The Kunst- und Wunderkammern. A catalogue raisonné of collecting in Germany, France and England 1565–1750. Thesis University of Pittsburg. 1970.

31 *Steierwald U.* Wissen und System. Zu Gottfried Wilhelm Leibniz' Theorie einer Universalbibliothek. Köln, 1995.

мени в Европе, в которых большинство авторов объясняет наблюдавшуюся в XVII и XVIII вв. тесную связь между библиотеками и кабинетами редкостей тем, что те и другие выполняли функцию научно-исследовательских учреждений³². Важным многотомным изданием стали четыре выпуска описания готторпской кунсткамеры³³, которая послужила одним из образцов для Кунсткамеры Петра. С помощью старых каталожных описей авторы создают картину состава коллекций. О более поздней, учебной, более скромной по объему кунсткамере в Галле при школах Августа Германа Франке, поддерживавших тесные отношения с Санкт-Петербургом, недавно написал исследование Томас Й. Мюллер-Бальке³⁴.

В 1995–1996 гг. российско-нидерландская рабочая группа³⁵ постаралась выявить максимальное число предметов из коллекции Альберта Себы в петербургских музеях в рамках подготовки к выставке «Петр и Голландия. Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого», проходившей в июне 1996 г. в Эрмитаже и в декабре 1996 г. в Амстердамском историческом музее³⁶. Несколькими годами раньше, в 1992 г., выставка во Дворце Меншикова, подготовленная сотрудником Государственного Эрмитажа О.Я. Неверовым, привлекла внимание к весьма значительной, хоть и небольшой по объему части коллекции Себы, попавшей в Эрмитаж, а именно к художественным предметам³⁷.

Большим вкладом в изучение истории голландских коллекций стали статьи, написанные по случаю выставки в Амстердамском историческом музее «De wereld binnen handbereik» («Мир на расстоянии вытянутой руки»), основанной на первом глубоком исследовании данного предмета³⁸. Коллекционирование рассматривает-

32 Öffentliche und Private Bibliotheken im 17. und 18. Jahrhundert: Raritätenkammern, Forschungsinstrumente oder Bildungstätten? / Red. P. Raabe. Bremen: Wolfenbüttel, 1977.

33 Gottorf im Glanz des Barock. Kunst und Kultur am Schleswiger Hof 1544–1713. Kataloge der Ausstellung zum 50-jährigen Bestehen des Schleswig-Holsteinischen Landesmuseums auf Schloß Gottorf und zum 400. Geburtstag Herzog Friedrichs III. 4 dln / Red. H. Spielmann, J. Drees. Bd. I. Die Herzöge und ihre Sammlungen / Red. U. Kuhl. Bd. II. Die Gottorfer Kunstammer. Bew. und comm. Mogens Bencard e.a. Bd. III. Schleswig-Holsteinisches Landesmuseum, Renaissance und Barock / Red. B. Doering. Bd. IV. Felix Lühning, Der Gottorfer Globus und das Globushaus im 'Newen Werck': Dokumentation und Rekonstruktion eines frühbarocken Welttheaters. Schleswig, 1997.

34 Müller-Bahlke Th.J. Die Wunderkammer. Die Kunst- und Naturalienkammer der Franckeschen Stiftungen zu Halle (Saale). Saale, 1998.

35 Работа российских историков велась при поддержке Нидерландского научно-исследовательского фонда NWO.

36 В Петербурге к этой выставке были приурочены два издания: Петр и Голландия. Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого: Сб. ст. / Ред. Н.П. Копанева, Р. Кистемакер, А. Овербек. СПб., 1997; Петр и Голландия. Русско-голландские художественные и научные связи. К 300-летию Великого посольства: Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 1996.

37 Неверов О.Я. Из коллекции Петровской Кунсткамеры: Каталог выставки. СПб., 1992.

38 De wereld binnen handbereik. Nederlandse kunst- en rariteitenverzamelingen, 1585–1735 / Red. E. Bergvelt, R. Kistemaker. Zwolle; Amsterdam, 1992.

ся в статьях этого сборника как серьезный вклад в развитие науки, и роль коллекционеров в расширении знаний оценивается по заслугам. При интерпретации корреспонденции Себы в рамках моего исследования особенно важны были статьи двух голландских авторов: Яна ван дер Ваалса и одного из инициаторов выставки Яапа ван дер Вейна. Ян ван дер Ваалс провел в Петербурге пилотное исследование, предшествовавшее выставке «Петр и Голландия», изучив рисунки экспонатов Кунсткамеры, выполненные в 1725–1760 гг. Он просмотрел все рисунки, снабдил их комментарием и сравнил со списком коллекции Себы (см. приложение II). По инициативе Рене Кистемакер, главы музейного отдела Амстердамского исторического музея, было проведено глубокое и всестороннее исследование рисунков и изображенных на них экспонатов. Рене Кистемакер руководила этим проектом, проводившимся при поддержке фонда NWO, вместе с Деборой Мейерс из Института искусствоведения Амстердамского университета, Н.П. Копаневой (в то время работала в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук, ныне — сотрудник МАЭ РАН) и Г.В. Вилинбаховым (Государственный Эрмитаж). Работа над проектом «Нарисованный музей» шла параллельно с моей работой над данной книгой. Многие мои открытия пригодились его участникам и я, в свою очередь, тоже смогла воспользоваться их находками³⁹.

Содержавшийся в первой версии моей книги материал был отчасти использован Люком Коймансом при работе над биографией Рюйша⁴⁰. С моей стороны, чтение рукописи Л. Койманса в качестве коллеги-консультанта помогло мне лучше понять тот научный контекст, в котором Рюйш создавал свои препараты, а именно общее увлечение исследованием движения жидкостей в организме. Из книги Л. Койманса о Рюйше я почерпнула несколько дополнительных фактов, прояснивших картину взаимоотношений Себы и Рюйша.

После изучения перечисленной литературы и множества других публикаций о рассматриваемом периоде мне стало ясно, что переписка между Альбертом Себой и окружением Петра I представляет собой новый богатый источник информации о становлении российской науки.

Методика работы

После обсуждения с комиссией, состоявшей из Рене Кистемакер (старшего консультанта по научным исследованиям, Амстердамский исторический музей), Бруно Наардена (профессора по русской истории, Амстердамский университет)

³⁹ «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук. 1725–1760 / Науч. ред. Р.Е. Кистемакер, Н.П. Копанева, Д. Мейерс, Г.В. Вилинбахов. СПб., 2003. Т. 1; СПб., 2004. Т. 2. В 2005 г. вышла англоязычная версия с диском DVD, который содержит все рисунки и их описание: The paper museum of the Academy of Sciences in St Petersburg c. 1725–1760. Introduction and interpretation / Ed. by R.E. Kistemaker, N.P. Kopaneva, D.J.Meijers, G.V. Vilinbakhov. [Amsterdam], 2005.

⁴⁰ Койманс Л. Художник смерти. Анатомические уроки Фредерика Рюйша / Пер. с нидерланд. Е. Астаховой, И. Михайловой и др. СПб., 2008.

и Хенка ван Ниропа (профессора по истории Нового времени, Амстердамский университет)⁴¹, я решила не публиковать письма полностью, но изложить их суть и снабдить комментариями. На следующем этапе под руководством Бруно Наардена и Рене Кистемакер мой отчет об архивном исследовании был переработан в книгу.

Книга содержит не только результаты, полученные при изучении ранней истории Кунсткамеры и основания Академии наук, но и публикацию источников, в частности составленного Себой списка его коллекции (приложение II). Цитируемые в книге письма Альберта Себы, Иоганна Даниэля Шумахера, Роберта Арескина, Лаврентия Блюментроста, Германа Бургаве, Яна ван Мушенбрука, Питера де ла Кура ван дер Воорта и некоторых других вводятся в научный оборот впервые (за исключением одного).

Постановка проблемы

Исследование посвящено изучению вклада нидерландских коллекционеров и ученых в создание Кунсткамеры и последующее основание Академии наук, положившее начало научной деятельности в России. Это интересный случай культурного импорта и применения новых знаний. Исследование проводится в различных ракурсах, как в историко-культурном, так и в искусствоведческом, как в нидерландском, так и в русском культурном контексте. Благодаря этому основание Петровской Кунсткамеры рассматривается в качестве составной части общеевропейской истории науки.

Я начинаю с краткого описания культурного и научного климата в Нидерландах и России в годы, предшествовавшие продаже амстердамских коллекций. Чтобы лучше понять, какова была функция коллекций натуралий и физических инструментов в научной жизни того времени, далее я сравниваю различные формы организации научной деятельности в ряде стран. В этом контексте я и рассматриваю жизнь и деятельность амстердамского аптекаря Альберта Себы.

Связь между торговыми контактами Себы с Россией и импортом культурных товаров реконструируется на основе писем. Рассматривается также вопрос о том, от кого исходила инициатива покупки голландских коллекций: поставил ли русский царь с его приближенными перед собой цель импортировать из Европы знания, или научные коллекции попали в Россию случайно?

Характер и функция анатомических препаратов Рюйша описываются на основе публикаций самого ученого, что позволяет ответить на вопрос, можно ли оценивать приобретение Петром I его коллекции как серьезную попытку содействовать наукам в России.

Другой важный вопрос состоит в том, готова ли была Россия к использованию коллекций. Например, в Дании пятьдесят лет спустя привезенные издалека жи-

⁴¹ Данной комиссии был предоставлен грант от NWO, позволивший завершить настоящее исследование.

вотные и растительные препараты так долго оставались в ящиках нераспакованными, что большинство из них пришло в непригодное для исследования состояние. Эти животные и растения были собраны научной экспедицией в Аравии по приказу датского короля. Они пропали в королевском дворце, потому что никто не заботился о них⁴². Чтобы ответить на данный вопрос, следует рассмотреть, как были приняты коллекции в Петербурге, где они были размещены и по какому принципу расставлены, а также каким образом они в дальнейшем использовались в работах петербургских ученых.

Главы этой книги дают по возможности полную и точную картину стремления Петра I модернизировать Россию путем внедрения в собственной стране тех знаний, которые в Европе были доступны уже пятьдесят лет. Изучив детально, словно под микроскопом, историю приобретения Петром коллекций Себы и Рюйша, мы получаем уникальную возможность понять, каким образом Россия смогла сблизиться с Европой.

Терминология

Кунсткамерой в России называют здание, в котором в XVIII в. располагался императорский центр знаний в столице Российской империи. В Кунсткамере кроме коллекций находились также библиотека, обсерватория и анатомический театр.

Название «Кунсткамера» для возведенного в 1726 г. здания часто вызывает неверные ассоциации. Многие думают, что в *кунст-камере* должно быть представлено искусство: *kunst*. Однако тот, кто знаком с коллекциями европейских монархов XVII в., знает, что в кунсткамерах хранились не только произведения искусства, но и всевозможные редкие предметы, называемые также «редкостями» или «диковинами». В петербургской Кунсткамере имелись в первую очередь *Naturalia* — натуралии, то есть редкости природного происхождения: редкие растения, животные, минералы, анатомические препараты. Здесь можно было найти также астрономические и физические приборы и инструменты. Впрочем, в коллекции имелось также некоторое количество картин и значительное число ценных и редких предметов, произведенных человеком, в основном привезенные из Сибири, — *Artificialia* — артифициалии.

Словом «кунсткамера» обозначалось не только помещение, в котором хранилась коллекция, но и сама коллекция предметов, которые собраны воедино для изучения в их совокупности и демонстрации посетителям. Синонимами слова «кунсткамера» являются слова «кабинет» и «музей». В XVII–XVIII вв. словом «кунсткамера» стали называть даже сумму знаний в определенной области, представляемых публике. Например, новый справочник по медицине, вышедший в 1680 г., назывался «Новая кунсткамера по хирургии или медицине»⁴³.

42 Экспедиция в Йемен 1761–1767 гг., снаряженная датским королем Фредериком V, в которой участвовал Карстен Нибур. См.: Hansen T. *Het gelukkige Arabië*. Breda, 2005. P. 199–200.

43 *Blankaart Steph.* Schouburg der rupsen, wormen, maden en vliegende dierkens. Amsterdam, 1688.